И.А.Есаулов

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФИНАЛА «РЕВИЗОРА» (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Несмотря на разнообразие истолкований смысла гоголевской комедии, общим местом является убеждение, что *мнимому* ревизору Хлестакову в финале противопоставлен *подлинный* ревизор. В настоящей работе я бы хотел подвергнуть ревизии это общее место.

С легкой руки Д.С.Мережковского начинается литературоведческая традиция поиска бесовской природы Хлестакова (от прямого уподобления гоголевского персонажа бесу до соображений, что бес хотя и не является Хлестаковым, но «управляет» им). Если это так, то следует признать «обольщение» чиновников мнимым ревизором чем-то противоположным действительной ревизии их поступков и помыслов, способной привести к их исправлению и, в конечном итоге, спасению. В таком случае «обман», произведенный Хлестаковым, никак не может содействовать пробуждению совести у героев (в отличие от явления *подлинного* ревизора). Но так ли происходит в гоголевской комедии?

С методологической точки зрения до сих пор распространенная исследовательская установка истолковывать реплики персонажей (в том числе отчасти совпадающие с позднейшими авторскими оценками) как *прямое авторское слово* представляется весьма сомнительной. Например, когда Артемий Филиппович говорит «черт попутал», зрителю, читателю и исследователю вовсе не обязательно Артемию Филипповичу «верить на слово» и констатировать непременное участие в событии пьесы демонического субъекта. То же самое можно сказать и о характеристиках персонажей. Почтмейстер определяет Хлестакова «Ни се, ни то; черт знает что такое!», однако это определение отнюдь не является сколько-нибудь

существенным аргументом в пользу отнесения Хлестакова к инфернальным силам. Обратим внимание на то, что гоголевские герои весьма часто прямо апеллируют как к бесу, так и к Богу – но это происходит в их малом кругозоре, не совпадающим с точкой зрения Гоголя - автора художественного целого: лишь художественное целое комедии (а не его отдельные сегменты) и является подлинным *словом* Гоголя.

Рассмотрим один из ключевых эпизодов. Почтмейстер ссылается на *нечистую* силу, *побудившую* его распечатать разоблачительное письмо Чичикова: «неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера, с тем чтобы отправить его с эштафетой, - но любопытство такое одолело, какого еще никогда не чувствовал. Не могу, не могу! слышу что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадешь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай!» И как придавил сургуч – по жилам огонь, а распечатал – мороз, ей-Богу мороз. И руки дрожат, и все помутилось». Очевидно, гоголевский персонаж пытается снять с себя личную ответственность ссылками на борьбу *противоположно направленных* мистических сил. Если же предположить, что как раз Хлестаков является бесом, либо связан с бесовщиной, то в таком случае «бес» должен шептать почтмейстеру не «распечатай», а, напротив, «не распечатывай»: ведь в итоге «любопытство» почтмейстера привело к тому, что интрига Хлестакова раскрылась, а сам он оказался *разоблачен*!

Однако еще более интересен с методологической точки зрения тот факт, что герои в финале словно бы теряют устойчивую позицию *собственно персонажей* комедии: они попеременно становится то чтецами-актерами, то зрителями-слушателями *письма* Хлестакова. Таким образом, еще до явления второго ревизора в итоге чтения хлестаковского комического письма у гоголевских персонажей открывается возможность «поступить по-христиански», т.е. «сочинение» Хлестакова «лично

обратить к самому себе», «посмеяться над собой», как и предлагал *зрителям* Гоголь в «Развязке Ревизора». Иными словами, якобы *мнимый* ревизор-Хлестаков не только искушает героев (подталкивает их к духовной гибели), но и дает возможность – посредством своего письма - им духовно спастись посредством этого очистительного смеха. Однако ослепленные своими собственными страстями - а отнюдь не Чичиковым, как им представляется в их малом кругозоре, - герои не используют эту возможность для благодатной *ревизии* своей жизни. Персонажи лишь негодуют на «беспримерную конфузию», т.е. негодуют именно на *разоблачение* их самих.

Точно так же, как «разоблачен» почтмейстером Хлестаков в качестве мнимого ревизора, его письмом *разоблачены*, т.е. подвергнуты *ревизии* чиновники. Каждый из них желает, чтобы это разоблачение касалась именно кого-то другого (отсюда реплики «читайте, читайте», когда речь идет о другом). Иными словами, «поворот смеха на самого себя», о котором писал Гоголь в той же «Развязке Ревизора», эти персонажи не способны использовать: отсутствует подлинное *раскаяние*. Однако в таком случае ревизор-Хлестаков обнаруживает черты *подлинного, а не мнимого* ревизора, хотя и не является им (а его «разоблачение» почтмейстером, в таком случае, является вполне мнимым). Поэтому бесовскую природу Хлестакова можно подвергнуть сомнению: искушению гоголевские чиновники поддались *задолго до появления* Хлестакова. Они *уже* «мертвые души», подобно персонажам гоголевской поэмы, что в финале лишь подчеркивается немой сценой.

С другой стороны, опрометчиво было бы и второго ревизора связывать с противоположным бесовству началом. Надо сказать, Мережковский - при всей его склонности к схематическому и часто поверхностному столкновению различных пар понятий (излишнему доверию к объяснительной функции бинарных оппозиций, выражаясь позднейшим «тартуско-московским» языком) - все-таки удержался от

однозначно-оценочного противопоставления второго ревизора первому. Правда, целью Мережковского было доказать чудовищность «маленького Содома» (уездного города), напрямую соединив его с русской действительностью (вопреки решительному заявлению Гоголя: «Все до единого согласны, что этакого города нет во всей России»). Я же хочу обратить внимание на другой аспект проблемы.

Второй ревизор уже потому не может быть идентифицирован с аллегорическим изображением совести, что фраза жандарма завершается не торжественным словами «…требует вас сей же час к себе», безусловно, допускающими в таком случае мистическое толкование, но переводом в прозаическую плоскость: «Он остановился в гостинице». Последняя фраза словно бы возвращает зрителя к профанной конкретике уездного города.

Поэтому вовсе не отрицая отмечаемый многими исследователями Гоголя параллелизм между немой сценой и Страшным судом, замечу все-таки, что *сценическое изображение* последнего на сцене (тем более, в комедии), как известно, было попросту невозможно. Испуг чиновников, приведший к их окаменению («смерти»), проистекает отнюдь не от страха Божия перед Божиим судом (как подчеркнуто выше, герои оказываются не способными к истинной *ревизии* своей жизни, иными словами, к *покаянию*): это страх перед внешним наказанием.

Заметим здесь, что и при известии Бобчинского о прибытии первого ревизора городничий *в страхе* всуе вспоминает Бога: «Что вы, Господь с вами! это не он». И затем он же произносит: «Господи, помилуй нас, грешных! Где же он живет?». Однако, несмотря на молитвенное обращение, и в данном случае как раз герой боится отнюдь не того ревизора, который, по словам Гоголя, «ждет нас у дверей гроба», но ревизора из Петербурга. Заметим также, что процитированная фраза городничего («Господи, помилуй нас, грешных! Где же он живет?») структурно идентична завершающим пьесу словам жандарма, поскольку сакральное начало и в данном случае корректируется профанным

продолжением, предполагающим «исправление» ошибки (ублажение «ревизора»), но не упование на милость Божию.

Значит ли все это, что *подлинный* ревизор, о котором писал Гоголь в «Развязке…», не предусматривается структурой его комедии? Та тезисная аргументация, которая мной изложена выше, свидетельствует лишь о том, что второй ревизор также не является истинным, как Хлестаков не является ревизором ложным. В «Развязке…» писатель совершенно ясно сформулировал: «ведь не светский человек произнесет над нами суд», тогда как и второй ревизор совершенно очевидно также является всего только «светским человеком», хотя и подлинным петербургским чиновником.

Вместе с тем, *тот и другой* персонажи позволяют (предоставляют потенциальную возможность) гоголевским чиновникам *посмотреть на себя в зеркало* «хоть сколько-нибудь глазами Того, Кто позовет на очную ставку всех людей», как об этом напоминает эпиграф к комедии. Существенно и то, что второй ревизор лишь упомянут, но не присутствует телесно в пьесе, как неоднократно отмечалось гоголеведами: с нашей точки зрения, это свидетельствует о движении авторской мысли от предельной эксплицированности аудитора в сторону его имплицитного присутствия, хотя в данном случае это движение еще не завершено. Однако куда в действительности обращены *взгляды* героев и их *жесты* даже в немой сцене? Подобно тому, как при чтении письма Хлестакова их интересует исключительно «мерзость в другом человеке», но не в себе, так и в немой сцене уже окаменевшие герои обращены не в себя, а вовне: «три дамы, гостьи, прислонившиеся одна к другой с самым *сатирическим* выражением лица, относящимся прямо *к семейству городничего*»; «Коробкин, обратившийся *к зрителям* с прищуренным глазом и едким намеком на городничего»; «Бобчинский и Добчинский с устремившимися движеньями рук *друг к другу*, разинутыми ртами и выпученными *друг на друга* глазами».

Такого рода обращенность вовне свидетельствует о том, что *подлинный* ревизор, который «заставит…вдруг и разом взглянуть на самих себя» как героев, так и зрителей, *третий* ревизор, хотя и «предусмотрен» структурой комедии, но вынесен за ее пределы как подразумеваемый, но не воплощенный непосредственно в тексте. Этот *третий* ревизор и не может быть изображен вербальными средствами пьесы. Будучи воплощенным, в таком случае, подобно другим персонажам, он стал бы лишь *одной из* фигур, находящихся в определенном сегменте текста. Тогда как подлинному ревизору предстоит все художественное целое комедии. Он не эксплицирован, но присутствует в целом комедии имплицитно. Его образ намечен отнюдь не словами жандарма: этот ревизор должен явиться в душе зрителя уже после того, как занавес опустился, поскольку подразумевает внутреннее духовное труженичество зрителей над собой. В конечном итоге, согласно гоголевскому замыслу, явление этого *подлинного* (третьего) ревизора призвано способствовать духовному воскресению зрителей гоголевской пьесы – после их «окаменения» вместе с героями произведения.